

Цена Свободы

16+

Юрий Корочков

Юрий Корочков

Цена свободы

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Корочков Ю.

Цена свободы / Ю. Корочков — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-532-09666-0

Великая Французская революция научила мир многому, главное - механизму организации такого рода переворотов. Молодой дворянин Юган Эбергард фон Шанцдорф по заданию штаба подполья финских сепаратистов поступает на службу во флот "оккупировавшей" его страну Российской Империи. Какое же будущее выберет для родной страны пламенный патриот? Ведь свобода, как говорил классик, бывает от чего и для чего, а руководители восстания не брезгают для достижения своих целей никакими средствами. В оформлении обложки использован фрагмент картины И. Айвазовского "Крым".

ISBN 978-5-532-09666-0

© Корочков Ю., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Введение	5
Дипломатическое интермеццо	8
Глава 1	12
Глава 2	17
Из записок Югана фон Шанцдорфа	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Введение

Если дорог тебе твой дом,

Где в любви ты выкормлен был,

Под бревенчатым потолком,

Где ты, в люльке качаясь, плыл;

Если дороги в доме том

Тебе стены, печь и углы,

Дедом, прадедом и отцом

В нем исхоженные полы

Из записок Югана фон Шанцдорфа

До сих пор не могу прийти в себя. Боже, во что же я ввязался и как теперь пойдёт моя казавшаяся такой определённой жизнь!

А я ведь искренне считал что меня, как военного моряка, политические интриги не касаются – слишком я далёк не то, что от политики, но вообще от света. Ну какое участие в политике может принять мичман в далёком провинциальном Свеаборге, единственная мечта которого попасть в вояж вокруг света! В прошлом году я уже пытался попасть на шлюп, отправляющийся в Америку или на Камчатку, но, увы, не преуспел.

И что я только поверил отцу, когда он говорил, что у русских огромный флот?! Да, флот и правда большой, но он ведь гниёт в гавани. Ну как же так можно! Вон, в прошлом году вообще плавал всего один корабль.

Нет, зря я сейчас, лично мне жаловаться не на что: повезло с командирами с самого начала. И Яков Аникеевич Подушкин и Егор Антонович Шлиппенбах настоящие моряки солёной воды и прекрасные люди. А уж граф Гейден! Вот образец моряка и человека! Талантливый флотоводец и отличный администратор, он поддерживает в своей флотилии боеготовность на два порядка выше, чем в целом по флоту. И смотрит в первую очередь на реальные заслуги и рвение офицера.

Но – по порядку. Сегодня вечером я был приглашён домой моим покровителем графом Логином Петровичем Гейденом. Зима, и я хожу к нему достаточно часто – мы ужинаем, а потом идём в курительный салон, и за бокалом кларета он рассказывает интересные факты из своей богатой биографии, а я о своих детских путешествиях по миру на торговом бриге. Вот и сегодня я настроился на долгий и интересный неторопливый разговор.

Как же я был удивлён, когда, пройдя по обыкновению после ужина в курительный салон, обнаружил в адмиральском кресле незнакомца. Это был средних лет мужчина со светлыми волосами на начинающей лысеть голове. От него так и веяло властью, которая ощущалась во всём: во взгляде, в позе, в манере держать голову, в речи. Только к концу разговора я понял, что это проявляется не властью, а скорее внутренняя свобода, свобода человека, всегда поступающего в соответствии со своими внутренними убеждениями, свобода по-настоящему сильного, уверенного в себе и, не побоюсь этого слова, самодостаточного человека.

Логгин Петрович с почтением поприветствовал незнакомца и представил меня ему. Вальяжный господин оказался ни больше ни меньше личным другом нового Государя и фли-

гель адъютантом старого графом Александром Христофоровичем фон Бенкендорфом. Этот факт сразу насторожил меня, и не напрасно.

Граф принимал самое деятельное участие в подавлении восстания на Сенатской площади и возглавил идущее сейчас расследование его причин. Он сам сообщил об этом факте в самом начале нашего разговора, смотря мне в глаза столь пристально, будто видел меня насквозь. И, как оказалось, не напрасно. После нескольких рюмок кларета, Бенкендорф попросил графа Гейдена оставить нас наедине. Что за неслыханная дерзость по отношению к хозяину дома! Но, в то же время, как любезно он это сделал, с достоинством самого императора. Нет, это положительно великий человек.

После того, как дверь курительного салона закрылась за моим любезным хозяином, Александр Христофорович начал серьёзный разговор. Оказалось, что ему и вправду всё известно: и о моей давнишней русофобии, и о том, что по возвращении домой со мной встречались люди, настоятельно порекомендовавшие пойти на службу в императорскую армию или на флот. Известно графу было также, что, уже будучи зачислен на действительную службу, я не прекращал контактов с заговорщиками. Сердце моё упало. По нынешним временам то, о чём говорил глава следственной комиссии, грозило смертной казнью, и я уже решил продать жизнь подороже, прихватив с собой на тот свет этого самоуверенного человека. Но как он меня видел! Когда я уже было потянулся к бутылке, чтобы огреть его по голове, он остановил меня даже не словом, а одним лишь взглядом! Покачав головой, Александр Христофорович заявил, что вина моя, конечно велика, но в известной мере оправдывается благородными побуждениями патриотизма и незнанием истинного положения вещей. Граф не осуждает меня, но предлагает подумать над вопросом, что лучше – быть элитой великой державы, сохранив притом родной язык, валюту, древние законы и самоуправление, или стать мелкой марионеткой и разменной монетой в игре по-настоящему могущественных держав? Сейчас Александр Христофорович любезно даёт мне шанс искупить вину и надеется обрести в моём лице искренне преданного помощника.

Не скрою, я не имею ни малейшего желания помогать этому страшному человеку. Но факты, которые он изложил, поколебали мою картину мира. В ходе расследования событий на Сенатской площади выяснилось, что вот уже несколько лет через территорию великого княжества Финляндского в Россию идёт поток нелегальной литературы, подстрекателей и оружия. В прошлом году, в частности, был перехвачен английский бриг «Язон» с грузом оружия, которое якобы направлялось в Швецию. Доказать в тот раз ничего не удалось, и бриг пришлось отпустить, но позже в шхерах неподалёку от Або был найден тайник с английскими мушкетами, порохом и даже тремя однофунтовыми лёгкими пушками. И вот теперь выясняется, что в Финляндии готовится мятеж, на территорию Великого Княжества доставлено огромное количество оружия, инструкторов англичан и коллаборационистов из всякого отребья – беглых каторжников, дезертиров и просто преступников. По плану заговорщиков, волнения в Великом Княжестве должны были начаться одновременно с беспорядками в столице и с манифестом Великого князя Константина о даровании независимости Польше и Финляндии. В этом случае появлялась реальная возможность на время ввергнуть империю в смуту и лишить её выхода к Балтике, а в идеале повторить в России французский сценарий, не даром же на допросах почти все мятежники признались, что конечной их целью было свержение самодержавия и установление в России республики.

Я, конечно, и сам знал многое из рассказанного мне Бенкендорфом, но был крайне неприятно удивлён той ролью, которую, как следовало из его слов, играли в нашем восстании англичане. Сразу пришли на ум невесёлые картины, виденные мной в детстве в южной Америке, охваченной пламенем восстаний, спровоцированных и поддерживаемых английскими агентами.

Здесь, однако, чилийский сценарий не прошёл: верные Государю полки быстро разгромили восставших в столице, но обстановка в Великом Княжестве по-прежнему остаётся сложной.

Самое главное, сказал граф, совершенно нельзя до окончания расследования никому доверять, а особенно офицерам, состоявшим в чрезвычайно распространённых тайных обществах и масонских ложах. Действовать при этом нужно незамедлительно! И, в то же время, ему нужен верный человек в стане мятежников.

Государь принял мудрое решение – послать всех неблагонадёжных флотских офицеров и, в первую очередь, из гвардейского флотского экипажа подальше – в северное море. Для этого эскадра готовится уже сейчас. И, как только Финский залив очистится ото льда, выйдет в море многие годы невиданным составом из почти всех кораблей и фрегатов. Флот не будет возвращаться на Балтику до осенних штормов, а там, глядишь, всё и успокоится.

Восстание же просто необходимо задержать минимум на год, для чего нужно пресечь поток оружия и иностранных инструкторов в Финляндию. По плану Бенкендорфа, мне с группой офицеров предстоит самой ранней весной выйти на достраивающейся сейчас яхте «Лизетта» из Свеаборга. Под видом испытаний нового судна мы должны попытаться перехватить нарушителей на Аландских островах, где и размещаются тренировочные лагеря сепаратистов и схроны с оружием. На меня же возлагается особая миссия – выйти на связь с руководством повстанцев и любыми средствами, вплоть до их уничтожения, задержать активную фазу мятежа. Как же! Пусть он вообразил, что крепко держит меня за горло, но я найду способ выкрутиться и тогда мы ещё посмотрим.

Возглавить отряд судов поручено только что вернувшемуся из кругосветного плавания, и потому точно ни во что не замешанному, лейтенанту Купреянову. Я назначен ему в помощь, так как отлично знаю местные воды, и плавание с отрядом даст мне прекрасный предлог попасть в Або. Как утверждает Бенкендорф, лейтенант Купреянов ничего не знает о моём задании, но я не очень ему верю. Надо быть предельно осторожным.

Дипломатическое интермеццо

Поздним вечером 25 декабря 1825 года в кабинете нового Императора всероссийского Николая Павловича было немногочисленно, но сильно накурено. Сегодня ближайшие сподвижники Государя собрались, чтобы обсудить с ним чрезвычайную ситуацию, сложившуюся в стране. Молодой император выглядел утомлённым: на бледном лице самодержца под глазами залегли тени. Николай почти не спал с памятной ночи 14 декабря. Многие, к примеру генерал Чеченский, написавший об этом в дневнике, принимали его вид за проявление страха и слабости воли, но они глубоко заблуждались. Напротив, молодой, но не по годам одарённый политик понимал всю тяжесть положения, в котором оказался. Сейчас он хладнокровно и уверенно, как это было свойственно многим его предкам, но, увы, не безвременно почившему старшему брату, вырабатывал план спасения доставшейся ему в управление страны. Положение было без преувеличения ужасным. После того, как период междуцарствия месяц назад закончился восстановлением на Сенатской площади в Петербурге, необходимость срочных действий была очевидна всем, при этом никак нельзя было ошибиться. Первым взял слово верный соратник Императора, блестяще проявивший себя при подавлении восстания, теперь же возглавивший его расследование.

– Господа, сегодня я могу уже определённо утверждать, что имевшие место события являются лишь верхушкой айсберга. Вскрыта обширнейшая антиправительственная деятельность тайных обществ, проникших повсюду и в первую очередь в армию. Эту язву на теле империи надо срочно удалять. По сути, мы не можем полностью доверять почти никому из наших офицеров как в армии, так и на флоте. На недавно присоединённых территориях Царства польского и Великого княжества Финляндского неспокойно: ходят слухи о даровании им независимости «Царём Константином», о тысячах сторонников законного императора, убитых подлым узурпатором Николаем, и о том, что западные страны вот-вот введут войска и освободят всех порабождённых из-под власти русского медведя. При этом у инсургентов оказались значительные запасы оружия – как старого французского, скорее всего наследия нашествия Наполеона, так и нового, по преимуществу английского.

Поступают тревожные слухи, что император Константин движется к Санкт-Петербургу во главе армейского корпуса, так что было бы крайне желательно появление его перед полками, чтобы он официально признал своё отречение и успокоил брожение в среде солдат и офицеров. Ваше Императорское величество, я умоляю Вас немедленно написать Его императорскому высочеству письмо с просьбой прибыть в Петербург и успокоить толпу.

Да, не хотел бы никого пугать, но похоже и смерть Императора Александра произошла не просто так. Вы, Государь, вероятно не знаете, но я предостерегал Их Императорское величество перед поездкой на юг России. К моему глубочайшему сожалению мои предостережения оставили без внимания. Так вот, я опросил свиту покойного Императора, разобрал с ними последние дни его жизни почти поминутно, но сперва не сумел установить ничего подозрительного. Однако доктора в один голос удивляются, почему и как мог здоровый император стать жертвой воспаления мозга без всяких причин, и это пробудило во мне воспоминания.

В 1804 году, когда я сопровождал юного Императора в его поездке по России, на Кавказе я познакомился и, если так можно сказать, подружился с князем «Максимкой». Этот, в многих отношениях интереснейший, господин в один из вечеров рассказал мне, что в Грузии существует обычай ритуального боя на боевых кольцах, которые они называют «Сатитени». Бой ведётся не до смерти, но иногда спустя некоторое время один из противников погибает от горячки. Доказать тут ничего нельзя и всё списывают на грязь, проникшую в рану, но Максимка под большим секретом поведал, что есть яды, которые наносятся на лезвия ритуального кольца и гарантированно убивающие жертву через несколько дней даже от малейшей цара-

пины. Так вот, господа, на спине покойного Императора был обнаружен след от укола, маленькая царапинка. Когда я вторично опросил гвардейцев из свиты, то один из них вспомнил, что во время встречи с местными князьями и традиционных объятий император дёрнулся, но не прервал церемонии. Позднее придворный портной припомнил, что в тот день менял императорский мундир из за небольшого пореза на спине со следами запёкшейся крови. Отсюда очевидно следует, что государь Император Александр Благословенный был убит одним из Грузинских князей, скорее всего отравленным ритуальным боевым кольцом.

При этом возникает вполне законный вопрос – что вообще грузинские князья делали в Таганроге?! Казалось бы, всё ясно, как вы безусловно помните, восточная и западная Грузия вошли в состав Империи не так давно, и недовольных этим среди местного населения конечно много, но вот осуществить настолько сложное покушение вдали от дома... кроме всего прочего для этого надо как минимум точно знать, что Император остановится в Таганроге. В общем, по моему глубочайшему убеждению, у грузинских князьков с их сотней овец и одной двумя деревнями не тот масштаб. По моему глубочайшему убеждению князей подставляют. Поясню, убийца возможно и был одним из членов делегации, но реальной целью злодейства было не только и не столько убийство, как провокация возмездия, способного втянуть нас в затяжную войну на юге, в то время как зловещие события назревают на севере и западе. Потому я строгой секретности результаты моего расследования и для введения противника в заблуждение предлагаю не принимать масштабного возмездия, но, напротив, пустить слух, что император Александр жив, тайно отрёкся и постригся в монахи, с каким-нибудь нелепым именем... пусть, к примеру, станет старцем Фёдором Кузьмичём. В то же время нужно послать небольшую, но профессиональную группу в Грузию для выяснения истины и наказания настоящих виновников убийства.

Нужно помнить, когда именно император был убит, сопоставить это с ситуацией в стране и в мире. В апреле прошлого года из за международной изоляции провалилась идея Императора Александра о созыве международной конференции в Петербурге по «Умиротворению греков». После этого Император официально, в присутствии послов держав заявил, что «будет исключительно следовать собственным видам». Практически сразу от Англии последовало предложение заключить двустороннее соглашение по Греции, на которое Александр Павлович сперва ответил положительно, но потом, ознакомившись с предложением альбионцев подробнее, с гневом отверг. После прошлогоднего наводнения балтийский флот потерял остатки и без того невеликой боеспособности и отправлять его в средиземное море было смерти подобно. Император ехал на юг для изучения возможности действия против Турции силами Черноморского флота и сухопутной армии. В этом путешествии он и был убит. Одновременно Англия выделила правительству Греции огромный кредит в три миллиона фунтов и обещала поддержку, пусть и не на официальном уровне. Франция, в свою очередь, оказывает неофициальную поддержку Египту и, через него, Турции.

Если мы сейчас потеряем Грецию, то нашей торговле в средиземноморье придёт окончательный конец. Почти весь торговый тоннаж империи в чёрном и средиземном море имеет греческие команды, а часто и фактически принадлежит греческим купцам, да и для наших судов перспектива закрытия проливов более чем реальна.

– Но что же вы предлагаете, Александр Христофорович? Ведь из ваших слов следует, что Император Александр был убит если не англичанами, то не без их помощи, и они же причастны к организации беспорядков в Империи. А с другой стороны наши интересы в Греции во многом совпадают и объективно они могут стать нашими союзниками, я правильно вас понимаю?

– Ваше Величество, я попытался максимально точно прояснить складывающуюся ситуацию. Решения принимать безусловно не мне, но если позволите высказать своё мнение на задачи текущего момента, то вот: нам следует в первую очередь сохранить империю от развала, а для этого удержать власть и сохранить Вас живым. Мы не можем положиться практически

ни на кого, кроме здесь присутствующих и ещё очень ограниченного круга лиц. Значит надо создать у наших врагов ощущение собственной для них безопасности, а уже исподволь, как бы невзначай, переломить ситуацию. Англия хочет нашими руками и за наш счёт решить свои проблемы с Турцией и насолить Франции? – отлично! Притворимся дураками, а там посмотрим на реальный итог. Сейчас мы просто вынуждены идти у них на поводу, более того, кого то придется подкупить, чтобы нам совсем уж не ставили палки в колёса. Простите, Вы что то хотели сказать, Егор Францевич?

– Да, Александр Христофорович, простите, что перебиваю, но вынужден сообщить, что казна практически пуста. И ожидать её пополнения неоткуда. Промышленность находится в полнейшем упадке, доходы бюджета на рекордно низком уровне, наши заводы просто не в силах конкурировать с потоком дешёвых иностранных товаров, в первую очередь английских, ведь там производство давно оснащено паровыми машинами, а у нас повсеместен ручной труд. После отмены ввозных пошлин императором Александром крах отечественного производства стал неизбежен. Основные статьи дохода бюджета – добыча серебра, золота и торговля зерном да лесом, но этих денег катастрофически мало и едва хватает на самое необходимое.

– Егор Францевич, дорогой, вы уж попробуйте что-нибудь с этим сделать, – вступил император.

– Вы же смогли во время заграничного похода наших войск в 1813-14 годах организовать своевременное снабжение армии всем необходимым и при этом отсудить у «союзничков» 300 миллионов из затребованных ими 360. Мы безусловно учтём ваше замечание, но пока давайте вернёмся к насущному. Так что там хотят от нас англичане? Я читал их меморандум, но так до конца, признаться и не понял. Главное их требование, если не ошибаюсь, состоит в том, что мы должны вступить в войну с Турцией. Какие у нас есть сейчас возможности? А промышленность свою развивать надо и срочно – это можете мне не говорить. В ближайшее время составим комитет по промышленности, включим туда виднейших промышленников...

– Государь, великодушно позвольте мне внести в это предложение одно дополнение, – сказал Александр Христофорович Бенкендорф.

– Комитет по промышленности безусловно необходим, но... давайте сделаем его тайным, чтобы наши враги не сразу опомнились и не успели принять меры, которые сведут на нет все наши усилия. И промышленников приглашать не вижу смысла – каждый будет тянуть на себя... нам нужны скорее грамотные инженеры, маркшейдеры, люди, с одной стороны знающие как организовывать промышленность на совершенно новый лад, а с другой бесконечно преданные лично Вам, Ваше Величество. И такие люди у нас есть – взять, к примеру, начальника Колывано-Вознесенских заводов Петра Кузьмича Фролова, с которым Вы познакомились во время Вашего путешествия по России в 1816 году.

– Фролова никак нельзя сейчас отвлекать от командования заводами и должности Томского генерал-губернатора, не выдержал крепкий пятидесятилетний мужчина – министр финансов Егор Францевич Канкрин. Он только-только восстановил положение с добычей серебра на Змеиногорском руднике, наводит порядок на других заводах и рудниках края. Если его сейчас отозвать, наступит полнейшая катастрофа для бюджета. Берите кого угодно, но Фролов нужен на Алтае!

– Хорошо хорошо, Егор Францевич, – отозвался Государь, – вам конечно виднее, да и восстановление промышленности дело не одного дня, и решать мы его, пожалуй, сегодня не будем. Пока же давайте попробуем сориентироваться в международных делах и в первую очередь определиться с Англией. Хотелось бы услышать ваше мнение, Карл Васильевич.

Карл Васильевич Нессельроде, сорокапятилетний министр иностранных дел и вице-канцлер Российской империи со времён войны 1812 года возглавлял политическую разведку и теперь, поддержав нового императора в критический час, получил возможность для желанного возвышения, не светившего ему при Александре. Сейчас он лихорадочно обдумывал план

спасения Николая и сохранения его на престоле – с этим была связана вся его дальнейшая карьера и, как он справедливо полагал, жизнь. По донесениям иностранной агентуры, которые предыдущий император напрочь игнорировал, становилось ясным, что ситуация много хуже, чем представлял себе даже уважаемый им граф Бенкендорф. Европейские державы, напуганные усилением России после войны, готовы были пойти на всё для устранения её с мировой арены, в результате чего у России не осталось ни одного сколько-нибудь верного союзника. Но как донести это до Государя? Он не знал. А ведь Николай не просто просил оценки обстановки, которую он, пусть не во всём, но понимал. Сейчас от Карла Васильевича требовалось представить план выхода из крайне тяжёлого положения внутри страны, осложнённого фактической её изоляцией. И он решился.

– Государь, по оценке английских агентов в Петербурге и Севастополе, наш флот сейчас абсолютно небоеспособен. Вы, конечно, знаете, что в прошлом году после наводнения мы смогли вывести в море всего один линейный корабль. Исходя из этого Англия, настаивая на вступлении России в войну, подразумевает сухопутную войну, которая ослабит как Россию, так и Турцию, в то время как Англия установит полное господство в архипелаге и получит дивиденды при минимальных усилиях. С другой стороны при данных обстоятельствах мы не можем и самоустраниться. В этом случае мы, боюсь, навсегда потеряем Грецию, нашей торговле в средиземноморье будет нанесён непоправимый ущерб и, что самое важное, мы перестанем играть роль великой Державы и перейдём в разряд второстепенных государств, что, безусловно, сыграет на руку нашим врагам. Я считаю, что вместо сухопутной операции нам следует послать в Средиземное море сильную эскадру и принудить Порту к миру. Поясню: на самом деле ситуация с флотом не настолько плоха. Наводнение конечно наделало дел, но причина упадка не в нём, а в деятельности маркиза де Траверсе.

Многие отличные корабли плавают за всё время одну, редко две кампании, а потом ставятся к стенке, с них списывается экипаж и корабли без ухода за несколько лет безнадёжно сгнивают. Во время наводнения многие корабли устояли на якорях, да и среди остальных найдутся подлежащие восстановлению. Кроме того, сейчас строится ряд кораблей как в Петербурге, так и в Архангельске. Я убеждён, что мы сможем сформировать боеспособную эскадру в ближайшее время – главное немедленно сместить де Траверсе, который является английским агентом и поставить на его место уважаемого русского адмирала. Теперь что касается черноморского флота. По докладу Главного командира черноморского флота и портов на конец 1825 года в благонадёжном состоянии имеется 7 линейных кораблей, 4 фрегата, 1 корвет, 3 брига и 10 транспортов. Для того, чтобы в одиночку сражаться с объединённым турецко-египетским флотом маловато, а вот для операций на Чёрном море в случае блокады Дарданелл эскадрой балтийского флота по опыту предыдущей архипелагской операции более чем достаточно.

При осуществлении моего плана мы, во-первых, не дадим англичанам единолично присвоить себе все плоды победы, во-вторых, реально ослабим позиции Турции и облегчим положение нашей сухопутной армии, задачей которой является захват черноморского побережья.

– Что ж Карл Васильевич, видно, что этот план вы вынашиваете не один день. Но дадут ли нам его осуществить? Расследование по делу бунтовщиков только началось, и мы не знаем, кому можно доверять. Корабли, как вы сами говорите, сгноили в порту... Вот Антон Васильевич фон Моллер, помнится, докладывал брату после наводнения, что в благонадёжном состоянии осталось 5 кораблей, 9 фрегатов, 1 корвет, 1 шлюп, 3 брига и 1 шхуна, но что-то мне подсказывает, что список этот далеко не полный. Попробовать, определённо стоит. Решено. Принимаем ваш план, а по ходу дела будем вносить в него коррективы.

Глава 1

Яхта медленно шла вдоль берега, держась в крутой бейдевинд под зарифленными парусами. Порядочно качало. Шёл дождь. Горизонт вдруг затянулся мглой и по нависшему серому небу бродили плотные кучевые облака.

Лейтенант Купреянов пребывал в раздумье. Зачем понадобилось настолько срочно отправлять их в едва очистившееся ото льда море. Нет, конечно, он справедливо считал себя опытным моряком, и поставленная задача была ему по силам. Всё же он прошёл два кругосветных плавания, да не просто так, а во льдах южного океана! И всё же Иван Антонович чувствовал себя весьма неуютно, ведь это было его первое самостоятельное командование, да ещё в условиях, где даже опытные, проплававшие не одну навигацию капитаны часто были вынуждены отступать перед натиском льдов, а порой теряли людей и корабли.

Сердила тупость флотского начальства, как будто не понимающего, что ранней весной заниматься проверкой мореходных качеств едва спущенного на воду судна с несплаванной командой на Балтике почти невозможно из-за постоянно пасмурной погоды и, как следствие, невозможности точно определить своё местоположение. Да и слабые переменные ветра в сочетании с нагромождениями хаотично плавающих по воле ветра и течений льдин не дают возможности поставить даже марсели, не говоря о брамселях. Вообще странная затея – испытывать быстроходную яхту в шхерном море. Впрочем, красавица яхта показала себя с лучшей стороны, прекрасно слушалась руля и позволяла совершать повороты как оверштаг, так и фордевинд при самом слабом ветре практически на пяточке, а уж тому, насколько круто к ветру она могла держаться без сноса мог позавидовать любой корабль флота. Старина «Мирный», к примеру, обладал гораздо худшей управляемостью, да и под парусами держался далеко не так уверенно, и ничего – дошёл до самого южного континента, куда ни один англичанин меж льдов не пробрался, а потом благополучно вернулся домой. Так что кому как не ему, справившемуся с управлением грузным шлюпом среди полярных айсбергов, и управлять сейчас хрупкой скорлупкой яхты во льдах Балтики. Тем более, «Лизетта» проявила себя великолепным ходоком – резво набирала и держала скорость при самой незначительной парусности. Это давало опытному моряку основание полагать, что на всех парусах яхта окажется одним из самых быстроходных известных ему судов как минимум балтийского флота и сможет, идя бейдевинд при свежем ветре, развить 13, а может и 14 узлов.

Хотя официально их послали испытывать мореходные качества только что сошедшей со стапеля яхты, ещё даже не включённой в состав флота, то, что направили их именно в район недавно вошедшей в состав Империи группы Аландских островов, заставляло задуматься. Особенно при условии, деликатно выражаясь, «не полной точности» флотских карт данного района, на которых огромный архипелаг отмечался общими внешними границами, да примерным положением наиболее крупных островов.

Далеко не глупый лейтенант понимал, что запечатанный пакет, который надлежало вскрыть при выходе из Финского залива, мог означать только одно: настоящее его задание будет совсем другим. Но опытный лоцман нужен как воздух даже ему, ведь помимо льдов эти воды полны мелей, подводных скал, да и просто крошечных островков, углядеть которые почти невозможно не только в ночи, но и в столь частые сейчас туманы, а доверять эту ответственнейшую работу мальчишке мичману, будь он трижды уроженцем этих мест, по меньшей мере безрассудство! Ведь в такую погоду совершенно невозможно совершать обсерваций.

Постоянные дожди, дующий порывами ветер, то совершенно стихающий, то вдруг усиливающийся до почти штормового и тоскливо ревущий в намокших снастях, выматывали все силы из команды маленького судёнышка. Солнышко не проглядывало уже неделю и ответить

на вопрос, где же именно они находятся, мог разве что мичман Шанцдорф, талантам которого Иван Антонович не очень доверял.

Мичман был урожденным финским дворянином, родившимся и выросшим в этих неприступных местах, и, по всему виду, пользовался полным доверием начальства, раз им не только не дали лоцмана, но и фактически запретили пользоваться услугами местных жителей в этом качестве.

В то самое время, как наверху посвистывал ветер и лейтенант Купреянов рассуждал о странностях порученного ему задания, а продрогшие и насквозь вымокшие вахтенные матросы мечтали о том, чтобы согреться, в кают-компании новенькой яхты мичман Шанцдорф думал о своём новом командире. Лейтенант нравился мичману, более того, он был тем идеалом, к которому стремился юноша: всего парой лет старше, он уже побывал в двух кругосветных плаваниях, открывал новые земли, плавал в антарктических льдах и даже, как говорили, нашёл там загадочный южный континент! Да и теперь – совсем молодой, только что вернувшийся из дальнего плавания лейтенант получает под собственное командование красавицу яхту, одно из наиболее новых и быстроходных судов флота, и это в то время, когда флот уничтожен наводнением и за места на немногих уцелевших кораблях дают крупные взятки.

Размышления мичмана были прерваны криком вперёдсмотрящего с фор марса «Парус на горизонте». Юган был до крайности заинтригован тем, кто же ещё решился выйти в море в это время года. Он немедленно накинул бушлат и помчался на палубу. Один умоляющий взгляд на командира, и тот уже сам протягивает помощнику свою подзорную трубу, повидавшую берега шести континентов и воды семи морей. Ещё спустя две минуты с грота-салинга наш герой сам отчётливо увидел в мутноватый окуляр дешёвой оптики силуэт незнакомца. Это был довольно крупный бриг, идущий в крутой бейдевинд. По расчётам Шанцдорфа, они находились сейчас в створе Ботнического залива, значит, вероятным пунктом назначения брига был один из портов Финляндии или Швеции. В этот момент бриг повернул через фордевинд и поменял галс. Манера, в которой был проведён этот манёвр, сказала Югану очень многое. Теперь, даже несмотря на скверную оптику подзорной трубы, он был готов биться об заклад, что навстречу им движется «Наяда» – купеческий бриг под командованием старого капитана Ольссена, на котором сам он проплавал долгих семь лет и вырос из юнги, воспитанника капитана до его старшего помощника. Также уверен он был и в том, что «Наяда» идёт в полном грузу, по видимому возвращаясь из жарких стран. Это было очень похоже на старика капитана – удивить всех, привезя ценные товары много раньше конкурентов, получить двойную, а порой тройную цену, а потом, до закрытия навигации, успеть сделать ещё несколько рейсов куда-нибудь на Средиземное море, с тем, чтобы перед самым закрытием навигации отплыть в тёплые края, увозя туда, скажем, практически бесплатный на севере, но ценный колониальной администрацией груз чистейшего свежего льда. Сколько таких рейсов совершил на этом судне сам Шанцдорф, обойдя все средиземноморские и большую часть южноамериканских портов!

Сейчас, судя по отклику судна на действия экипажа, «Наяда» была нагружена до самого предела её возможностей, а значит, груз её был около 600, а то и все 650 тонн. Обо всём этом он и доложил лейтенанту Купреянову, спустившись на палубу. Также он доложил о том, что суда сблизятся примерно через два часа и спросил, нет ли у капитана специальных инструкций на такой случай. Иван Антонович как раз имел предписание вскрыть пакет с секретными инструкциями либо при достижении широты Або, либо при встрече с неопознанным кораблём, так что удалившись в каюту он направился к рундуку, где лежал объёмистый пакет из просмоленной парусины, обёрнутой шпагатом и более чем наполовину наполненный дробью.

Инструкции, которые прочёл лейтенант Купреянов предписывали ему выявить пути контрабанды оружия в великое княжество Финляндское, которая предположительно осуществлялась через Аландские острова. Весьма интересным было то, что всю информацию предписывалось направлять в адрес недавно сформированного «Третьего отделения личной канцелярии

императора», а конкретно – его начальнику графу Александру Христофоровичу Бенкендорфу, для чего к донесению прилагался список паролей и шифров, должных обеспечить содействие любого посольства России в прибалтийских странах, Франции, Англии и Голландии.

Подумав, Иван Антонович решил посоветоваться со своим мичманом, знакомым с капитаном и командой приближающегося брига и поделиться с ним полученным заданием, тем более такие действия не только не запрещались, но даже особо оговаривались инструкцией, содержащей указание использовать вверенный личный состав по своему разумению, всецело доверяя своим офицерам.

Мичман пришёл от инструкций в восторг. Ещё бы, им совсем молодым офицерам поручили дело государственной важности. В его голове немедленно созрел план. Он, под видом бежавшего из Петербурга в Свеаборг участника восстания на сенатской площади пробирается с помощью друзей в Европу. Сухопутные границы империи закрыты, но богатый друг вывозит его в море на частной яхте (надо срочно переодеть матросов в гражданское и ни в коем случае не сблизиться с «Наядой» слишком близко). В этих условиях встреча со старыми знакомыми, готовыми, не безвозмездно конечно, укрыть и вывезти его в Финляндию просто манна небесная. Шанцдорф должен перейти на «Наяду» и отправиться в Або, поддерживая связь с яхтой по почте. В качестве связника и слуги он возьмёт своего старого вестового Ивана Матвейча, который знает многие языки, а на английском после архипелагской экспедиции разговаривает как на родном.

Иван Антонович пытался возражать, но под напором своего нового товарища вскоре сдался и отдал приказ спустить гичку, переодев её экипаж в одежду, оставшуюся от рабочих, ещё две недели назад заканчивавших отделывать красавицу яхту. Юган также переоделся в гражданское платье и стал похож скорее на молодого фата, нежели на энергичного офицера флота.

Опытные гребцы легко справились с задачей и доставили на «Наяду» пассажира со слугой и объёмистым кофром. Ольсен был искренне рад видеть старого товарища в добром здравии, и охотно взялся доставить его в Або. Тем более именно туда он и держал путь, действительно загруженный шестьюстами тонн лучшей в мире чилийской селитры. Узнав о грузе, юный Шанцдорф постарался не показать своей радости. Похоже, что его соратники вскоре не будут знать недостатка в превосходном порохе.

После того, как отвалила шлюпка с «Лизетты», капитан пригласил своего бывшего помощника спуститься в его каюту, промочить горло стаканчиком грога. Там он в свойственной ему открытой манере поинтересовался, какого дьявола его подопечный решил связаться с совершенно чуждыми ему русскими бунтовщиками. Ведь они немало поплавали вместе, и Юган должен помнить по тем же Чили и Боливии чем заканчиваются бунты и революции. И это не говоря о Франции. Русские ещё молодцы, что так быстро и бескровно подавили беспорядки.

– Станный вопрос в ваших устах, господин капитан. – Сказал молодой человек. Ведь восставшие обещали предоставить независимость Польше и Финляндии. Бог с ними с поляками, хотя среди нас было немало представителей шляхты, но мне кажется, что нашей с вами стране давно не мешает попробовать независимости, которой мы и не знали никогда, постоянно оккупированные то Шведами, то Русскими.

– Ладно, ладно, молодо зелено, но что теперь? Всю жизнь будете бегать, Юган? – поинтересовался старик.

– Никак нет, старина. Во-первых, я верю, что не всё ещё потеряно. Я слышал от товарищей, что Англия твёрдо обещала помощь, и только льды на Балтике не дали королевскому флоту навести порядок в Петербурге. Поверьте, морская оборона Кронштадта, основанная на старых дереве – земляных укреплениях со слабыми пушчонками позапрошлого века не протянет и часа под огнём всего одного линкора, а флота после прошлогоднего наводнения у России просто нет. Так что господа из северного общества просто поторопились. Ну и во-вторых,

не так много людей знает о моих связях с восставшими, на площадь я не пошёл, так что как-нибудь оправдаюсь в случае чего. На самом деле я пробираюсь в Европу не прятаться, а найти друзей, сообщить им о предателях и помочь лучше организовать вторую попытку. Русского бунта не вышло, но Польшу и Финляндию России не удержать! И ваш груз убеждает меня, что мои надежды не тщетны. Вы не задумывались, кому понадобилось 600 тонн селитры в Або? Это ведь более тысячи тонн прекраснейшего пороха, который может быть смолот на любой сельской мельнице. И это будет не охотничий порох, а лучший артиллерийский. Для охотничьего сойдёт дешёвая местная или африканская селитра, а чилийская нужна только и исключительно для артиллерии, да изредка перепадает гвардии. И уж вы то, с вашим опытом, поняли это ещё тогда, когда подписывали фрахт, если не раньше. Так что будем откровенны – дело освобождения Финляндии не только не проиграно, но даже как следует не начиналось, и мы с вами здесь и сейчас вносим в него большой вклад.

– Да уж, Юган... Голова у вас всегда работала чётко, зря вы тогда отказались принять под командование «Галатею» – были бы сейчас преуспевающим капитаном. Вы, конечно, правы насчёт назначения нашего груза. Я всё понял ещё в Глазго, когда к «Наяде» подплыл ялик и прибывший на нём господин, едва поднявшись на палубу и узнав, кто тут капитан, потребовал пройти в каюту. Экипаж уже готов был вышвырнуть наглеца за борт – ведь я уважаемый капитан, но облик и манеры этого господина были настолько самоуверенны, что ребята растерялись, а потом и я дал знак, что всё в порядке. Ведь смотрелся мистер «Паркер», как он представился, в нашем обществе как буреизвестник среди крачек. Едва мы уединились в этой самой каюте, как сей надменный сэр без отлагательств перешёл к делу, предложив мне срочный фрахт на Эккерё. При этом он изначально предложил тройную цену с единственным условием – мы доставляем генеральный груз в указанную точку, помогаем выгрузке и не суём нос в то, что нас не касается. После того, как я отказался, цена была удвоена. Поверьте, Юган, мне было нелегко отказываться от такого предложения, но в тот раз пришлось – репутация дороже денег, а «Наяда» была уже зафрахтована. Я просто обязан был попасть в Рио не позднее декабря с паровой машиной для откачки воды из новой серебряной шахты господина Пененде. Паркер воспринял мои объяснения на удивление спокойно, что добавило ему уважения в моих глазах. Подумав буквально несколько минут, он сказал, что понимает и ценит мои убеждения, потому делает мне другое предложение. У его партнёров в Чили есть груз для доставки в Финляндию, этот груз может быть вполне легально доставлен в Або, но должен оказаться там к весне. К этому моменту я уже осознал, что влип в очень дурную историю, что господин Паркер представляет не иначе как правительство Великобритании, или, как минимум, одну из их крупных секретных служб. Вы наверняка слышали об их жестокости и беспринципности – варианта отказа не было. Меня просто убили бы вместе со всей командой, так что я подписал фрахт. Я не вмешиваюсь в политику, но на этот раз выбора мне не оставили. Я изобразил на лице живейшую радость и заявил, что «Наяда» одно из лучших финских торговых судов, и я беру выгодные фрахты, особенно когда мне гарантируют их безопасность солидные люди. Мне немедленно пообещали, что вопросов о назначении груза по прибытии в порт у властей не возникнет, и я почему то верю этому обещанию. Есть люди, которые держат слово даже среди упомянутых джентльменов с туманного Альбиона, пусть даже обычно верить им стоит ровно до тех пор, пока выполнение слова соответствует их интересам. Вам я, честно говоря, тоже не советовал бы без дела совать голову в петлю. Капитанства я вам не обещаю, но помощником готов взять прямо сейчас. Бьюккинен хороший парень, но медлительный, и голова у него работает несравненно хуже вашей.

– Знаете, Торвальд, я подумаю над вашим предложением. Но всё же пока я не готов отказаться от перспективы помочь освобождению родной страны. А для этого мне нужно связаться с сопротивлением в Або. Не поспособствуете по старой памяти?

– По старой памяти вам следовало бы задать штук сто линьков, чтоб выбить из головы все благоглупости! Но ведь знаю вас, Юган – не поможет. И всё же дам совет. Не лезьте вы в сопротивление – это сплошь деревенщина, вам там мало что не поверят, так ещё и вздёрнут как русского шпиона и предателя. Если так уж хочется примерить пенковый галстук, то постарайтесь сделать это не напрасно. Вам самому уже должно быть ясно, что проект революции фактически возглавляют, как в своё время и в Боливии, а сейчас в Греции лимонники. Вот с их эмиссаром вам есть смысл поговорить. И этой встрече я могу поспособствовать, поскольку должен сдать груз некоему мистеру Гроу, который, сдаётся мне, если и не является эмиссаром в Або, то уж точно его знает. Замолвлю за вас словечко при встрече с этим господином, а пока сидите как кулик в болоте, снимите скромный номер в дешёвой гостинице и ждите от меня весточки. И давайте уже выпьем. К чёрту эту политику! Я просто рад снова видеть вас живым и здоровым, Юган!

– Взаимно, Торвальд!

Глава 2

Темным апрельским вечером, когда кривые улочки Або продувал ледяной арктический ветер, и казалось, что дождь вот-вот сменится снегом, из дешёвой припортовой гостиницы вышел плотно укутанный в демисезонный плащ, который едва ли можно было считать адекватной защитой от такой погоды, молодой человек. Покружив некоторое время по портовому кварталу, человек направился к мосту через Аурайоки. Народу на улицах в этот час практически не было. Последние служащие отправились по домам два часа назад, для прогулок было слишком холодно и неудобно, а благородные люди, которые вполне могли наносить в этот час друг другу визиты, никогда не сворачивали в эти беднейшие кварталы города.

Перейдя мост, человек в плаще спрятался за массивной каменной тумбой и раскурил моряцкую трубку, курить которую было удобно на заливаемой водой палубе в любую погоду. Спустя пять минут, докурив трубку и убедившись, что больше никто не перешёл реки, человек проследовал дальше и углубился в зловонный лабиринт рабочих кварталов Або.

От подобных мест других городов это отличалось разве что размером да некоторым скандинавским колоритом. Обшарпанные дома смотрели на улицу своими немногочисленными окнами, почти повсеместно затянутыми бычьими пузырями вместо дорогих стёкол. Тёмные подворотни вели ко входам в дома с ещё более тёмными, вонючими лестницами, настолько крутыми, что подниматься по ним можно было только с помощью верёвки, прикреплённой железными скобами к сырým стенам. В домах проживали большей частью невзрачные личности, промышлявшие мелочной торговлей, наёмные поденные рабочие, угольщики и прочий сброд, но истинными хозяевами квартала были закоренелые уголовники. Весь серьёзный криминалитет города предпочитал селиться и развлекаться именно здесь, а не в портовом квартале, в котором промышляли воришки помельче, а местные воротилы вели почти легальный бизнес при попустительстве прикормленной таможни. Существовала даже негласная договорённость с полицией, что в портовом квартале она может ловить кого ей вздумается, устраивать облавы, обыски и проверки документов, но к серьёзным людям по ту сторону реки просто так приходить не стоит.

Пользуясь таким положением, в трущобах процветали проституция и наркоторговля, тут можно было недорого и практически в открытую заказать мастеровым любой воровской инвентарь от потайных фонарей и финок, до сложнейших отмычек, с лёгкостью открывавших самые изощрённые замки. Столь популярных южнее слабых вин местные обитатели не признавали, предпочитая напитки не слабее водки, которая, как известно, способствует скорее пробуждению ярости, чем расслабленности. Потому тут никого не удивляли грабежи и схватки на ножах, частенько оканчивающиеся смертоубийством. В целом, рядовой обитатель Абосских трущоб, считающийся у себя дома тишайшим человеком, не способным и мухи обидеть, мигом обрёл бы репутацию кровавого злодея в парижском Ситэ.

Заслышав шум шагов, в тёмных подворотнях иногда шевелились тени, но когда незнакомец подходил ближе, всё затихало – слишком уверенным и энергичным шагом обладал этот прохожий, чтобы рисковать связываться с ним даже грабителям, за плечами которых был не один случайно заплутавший выпивоха, навеки упокоившийся в водах Аурайоки. Пройдя квартал почти насквозь, мужчина свернул в одну из подворотен, за которой открылся глухой каменный мешок двора, освещённый тусклым фонарём, под которым курили двое мужчин, одетых весьма прилично, но с трудом державшиеся на ногах. Вновь прибывший подошёл к курившим, и на хорошем шведском поинтересовался, где находится трактир «Хромая лошадь». Ответ, данный заплетающимся языком на одном из диалектов Суоми, содержал гораздо больше сведений о противоестественных связях матери незнакомца с протухшим тунцом, от которой и про-

изошла эта ошибка обкурившейся гашиша природы, спрашивающая о столь известном заведении, да ещё находясь буквально на его пороге.

Незнакомец выслушал тираду своего визави с истинно скандинавским спокойствием, вежливо поблагодарил его, чем мгновенно прервал словесный поток подавившегося на полуслове пьянчуги, и вошёл в невысокую ничем не примечательную дверь в глухой каменной стене. В здании располагался трактир «Хромая лошадь» – излюбленное место встреч руководства криминальных кругов Финляндии. Место это обладало целым рядом несомненных достоинств: чтобы попасть сюда нужно было для начала вообще знать о существовании заведения в одной из неприметных развалин этого квартала рабочей бедноты и криминалитета. Если же пришедший не называл пароля крепкому привратнику, судьбе его можно было только посочувствовать – больше такой человек сам этот дом не покидал. Объяснялись столь строгие меры предосторожности тем, что хозяин трактира одновременно был главным поставщиком опиума на рынок Финляндии, и содержал небольшую курильню для избранных, как правило, благородных клиентов, которым огласка их тайной страсти была вовсе ни к чему.

И именно тут резидент английской секретной службы назначил встречу барону Югану Эбергарду фон Шанцдорфу, которым и был незнакомец, вошедший в этот приют «избранных». Сразу за дверью находился небольшой тамбур, почти целиком занятый двумя дюжими охранниками каждый из которых был на две головы выше, да, пожалуй, и вдвое тяжелее нашего героя. Для начала они преградили новому посетителю дорогу, но, услышав пароль, любезно распахнули перед ним массивную дубовую, обшитую кованными железными полосами дверь, снабжённую изнутри медным засовом толщиной в руку. На первом этаже располагался типичный трактир вышесреднего уровня с резной стойкой, за которой присутствовал бармен, да десятком двух и трёхместных столиков. Две массивных кованных люстры и несколько шандалов на стенах давали довольно света, чтобы обратить внимание на чистоту зала и все достоинства весьма прилично для профессии одетых гуляющих девиц, скромно расположившихся в углу. Что ещё бросалось в глаза привычному человеку, так это то, что среди девиц не было ни девочек ни старух, зато присутствовали негритянка и сразу две азиатки, причём одна, похоже, китаянка, а вторая вывезена откуда-то из Монголии. В общем, с первого взгляда трактир производил весьма положительное впечатление.

Окинув полупустой зал беглым взглядом, молодой человек направился к барной стойке и потребовал позвать хозяина. С ним, как и с привратниками, повторилась та же метаморфоза. Услышав второй пароль, трактирщик мигом надел на неприязненную физиономию самую любезную маску и провёл «дорогостоящего гостя» во внутренние помещения. Пройдя коротким коридорчиком меж ряда дверей, ведущих в отдельные кабинеты, они поднялись на второй этаж, и попали в длинный коридор, проходивший, похоже, сквозь весь дом. Из-за неплотно закрытых дверей доносились звуки рулетки, азартные голоса игроков в кости, а проходя мимо очередной комнаты с открытой дверью, Юган сквозь клубы табачного дыма увидел ломберный стол, за которым собралась компания, сосредоточенно резавшаяся в штосс.

Они всё шли и шли по скупому освещённому коридору. По звукам из-за дверей и характерному запаху мичман понял, что тут развлекаются с девочками и курят гашиш. Наконец хозяин любезно распахнул дверь, и пригласил юношу в богато обставленный кабинет, где у растопленного камина с сигарой в одной руке и лафитным стаканом в другой сидел прилично одетый человек лет сорока. Строгое выражение его обветренного лица хранило отпечаток привычной власти, а стальной блеск глаз говорил о том, что этому господину чужды либеральные ценности, и он будет идти к своей цели, не останавливаясь ни перед чем. Со своим юным гостем человек в кресле поздоровался небрежным кивком и движением руки с сигарой одновременно указал ему на соседнее кресло, а хозяину на дверь.

Наблюдая эту безмолвную сцену, Шанцдорф даже немного смутился, глядя на холуйское поведение хозяина заведения, про которого он слышал ещё в пору своего ученичества в мест-

ном университете. Насколько же могущественен и влиятелен этот англичанин, раз фактический главарь одной из влиятельнейших банд Финляндии, имеющий вполне заслуженное прозвище «смерть Стурлуссон», настолько явно лебезит перед ним в присутствии незнакомца.

– Барон фон Шанцдорф? Присаживайтесь, не желаете стакан лафиту с дороги? – На правах хозяина предложил англичанин на чудесном, очень редко слышимом Юганом Оксфордском диалекте английского, что говорило о его явном аристократическом происхождении.

– Нет, спасибо, господин...Гроу?

– Пусть будет Гроу, имя ничуть не хуже других. Барон, нам с вами предстоит серьёзный разговор, а время позднее. Возможно вы устали, тогда советую вам выпить этой чудесной настойки на листьях кокки. Она весьма освежает и способствует ясности мышления. Любезный капитан Ольссен привёз по моей просьбе из Боливии несколько мешков этого чудесного средства.

– Боюсь показаться невежливым, господин Гроу, но вынужден отклонить Ваше предложение. Я проспал целый день и готов к самой серьёзной беседе, постороннее же воздействие, напротив, может лишь ослабить мой неокрепший ум. Тем более я многое слышал о действии кокки на человека от нашего общего знакомого Ольссена.

– А вы мне нравитесь, Джон, ведь по-английски ваше имя звучит именно так?

– Да, господин Гроу, хотя в последнее время мне более привычен русский вариант – Иван.

– Дерзите? Зря, я знаю о вас практически всё. Перед нашей встречей я не счёл за труд навести о вас справки, и знаете, – я вам верю. Русские конечно византийцы, но ваше детство и юность убеждают меня в вашей искренности – даже им не по силам заставить так играть десятилетнего мальчика. Да и поставленное вам задание по внедрению в Российский флот вы выполнили блестяще. Не удивляйтесь, я неплохо знаю тех, кто работал лично с вами. К сожалению этих людей больше нет, они имели тесные контакты с нашими друзьями в России и были схвачены после провала восстания. Честно говоря, я удивлён, что судьба пощадила вас – видимо ваши кураторы умудрились о чем-то смолчать даже в русских застенках. Они настоящие герои. А вы молодец! Очень сообразительный молодой человек, нам нужны такие соратники. Вот только... чем вы реально можете быть полезны нашему делу сейчас?

– Вот чего не знаю, того не знаю. Я ведь моряк и другого почти ничего и не умею. Если вы и вправду изучали мою биографию, то должны знать, что с 12 лет я в море почти непрерывно. Дослужился до старшего помощника в торговом флоте, сейчас мичман военного. Все мои связи с северным обществом оборваны, членом его я не состоял, да и вообще – не хочу больше в Россию. У русских не флот, а одно название! По факту это кучка гнилых кораблей и плавают только по луже Финского залива – скучно. Я думал, что сумею возглавить один из повстанческих отрядов, а после победы восстания обновлённой Финляндии понадобится пусть маленький, но свой флот. Должность капитана флагманской яхты как венец карьеры меня устроит. Ну, или можно пойти в ваш флот и стать английским адмиралом – тоже интересная перспектива.

– Вы так уверены, что дослужитесь до адмирала в нашем флоте? Что ж, наглость помогла не одному из нынешних адмиралов. Пожалуй, предводитель отряда повстанцев из вас не получится – слишком вы скомпрометировали себя службой у врага. А вот начать карьеру в нашем флоте и заработать себе неплохие рекомендации вы можете. Увы, но среди повстанцев редки хорошие штурманы, а торговым капитанам, даже самым надёжным, таким как Ольссен, мы не вправе доверять всецело. Так что ваше прибытие к нам большая удача. Решено – вы попробуете себя в роли штурмана Королевского флота.

– Так Англия всё же пришлёт флот? Тогда за успех нашего дела можно быть спокойным! С Королевским флотом не по силам тягаться никому на всём свете, не то, что этим гнилым калошам с ни разу не выходившими в открытое море горе моряками.

– Увы, мой юный пылкий друг, по политическим причинам это пока невозможно. Россию нужно глубже втянуть в конфликты на всех без исключения границах, и вот тогда... А пока

вы поведёте не грозный линкор, а всего лишь корвет, зато он доставит вашим товарищам так необходимые им ружья и полевую артиллерию.

– В бою королевский корвет стоит русского линкора! А с пушками, да при невозможности для России послать сюда армию, мы непобедимы.

– Ну вот и отлично. Раз мы договорились, то и делать вам в этом городишке больше нечего. На рассвете в море выходит наш бриг «Пенелопа», там вас уже ждут. Передадите от меня капитану привет и вот этот пакет. А вот здесь ваши рекомендательные письма к лорду Страдфорду Каннингу. Вручите ему вот этот пакет и уверен, что он позаботится о вас в Лондоне. Да, на улицах сейчас не безопасно, так что до отеля, а позднее и до пристани вас проведут мои люди. Они обеспечат вашу безопасность. Засим желаю вам счастливого плавания и дальнейших успехов.

После этих слов англичанин позвонил в колокольчик, и в кабинет мигом влетел вертлявый молодчик неопределённых лет и незапоминающейся внешности.

– Элвин, передайте Джеку и Стивену, чтобы сопровождали господина до гостиницы и помогли собрать и донести багаж к катеру. Да предупредите, что они отвечают за него головой.

Всю дорогу до гостиницы Юган думал, как же ему быть. Похоже, придётся отправиться в Англию. Оно бы и не плохо... все его связи с повстанцами в Финляндии и вправду оборваны, скорее всего стараниями того же Бенкендорфа, так что предложение Гроу звучит весьма заманчиво. Вот только вся эта история начинает отдавать зловонным душком. Пока Юган верил, что восстание готовится патриотическими силами и ставит главной целью независимость его родины, он был готов положить жизнь на алтарь во имя достижения великой цели. Разговор с Александром Христофоровичем несколько расширил его картину мира, но не изменил принципиального подхода, но вот теперь... когда он воочию убедился, кем на самом деле направляется народно-освободительная борьба... теперь ему всё живее вспоминались картины, навсегда врезавшиеся в юношескую память в далёкой Южной Америке. Тогда Юган служил помощником на «Наяде», и они делали сумасшедшую прибыль, доставляя грузы и вывозя людей из охваченных восстаниями новорождённых республик. И везде, куда бы они ни прибывали, мальчик видел английских инструкторов и наёмников со всего света. Помнил он и блокирующий практически всё южноамериканское побережье английский флот, не подпускавший к колониям испанские корабли, притом, что номинально никакой войны между Англией и Испанией не было. А потом были и ещё рейсы... рейсы в «освобождённые» государства, разорённые не столько войной, как грабежом и беспределом освободителей. Рейсы в государства, всю торговлю с которыми подмяли под себя английские купцы. Этого ли он хочет для милой Финляндии? Тем более из слов Гроу можно было сделать вывод, что независимость страны его и вовсе не волнует. Главная цель – ослабить Россию, а Финляндия лишь разменная карта в большой игре. Не так уж важно, удастся восстание или нет, но Российская империя будет вынуждена направить сюда войска, которые она не сможет использовать на других театрах.

На былой экстремизм молодого человека повлияли и те годы, которые он провёл в российском флоте. Ведь очень многое из того, о чём говорили наставники о России и русских оказалось грязной ложью. Напротив, родной город после присоединения к Империи хоть и потерял столичный статус, но расцвёл как неофициальная столица. За немногие годы были построены новые прекрасные каменные здания королевской академии и обсерватории. Сейм продолжил существование, как и старые законы. Не лучше ли жить в великой Империи на привилегированных правах, чем стать вассалом далёкой страны, всегда готовой продать своего верного союзника, если сиюминутная выгода покажется очередному премьеру важнее.

Так и не придя к окончательному решению, Юган решил послать Бенкендорфу доклад, в котором сообщал, что успешно вышел на руководство повстанцев, которыми и впрямь руководят англичане, а теперь отправляется на землю туманного Альбиона, чтобы привезти оттуда оружие и боеприпасы повстанцам. Таким докладом он убивал двух зайцев: обеспечивал себе

безопасность со стороны российских властей, и надеялся подставить глубоко противных ему англичан. О грузе «Наяды» молодой человек решил умолчать, поскольку тот был по-настоящему нужен повстанцам, да и капитана Ольссена ему совсем не хотелось подставлять под удар. Лейтенанту Куприянову и адмиралу Гейдену тоже нужно было написать письмо с кратким изложением событий и обоснованием поездки в Англию.

Но как отправить донесение? Надежда тут, похоже, только на вестового Ивана, но сможет ли тот с полувзгляда понять хозяина, подыграть ему и передать донесение так, чтобы обмануть сопровождающих. Тут ведь вот ещё в чём дело – являются ли эти громилы простыми матросами, или шпиками. Выяснить это надо немедленно.

– А что, Джек, не будет ваш начальник возражать, если мы промочим глотку на дорожку перед отплытием? – Спросил он старшего из сопровождающих на грубом кокни, усвоенном им во время детских плаваний.

– Да какой он мне начальник?! – откликнулся тот с готовностью; Мой начальник капитан Белью с «Пенелопы», а этот хлыщ надутый какая-то шишка из лордов, на которую мы должны тратить наше законное время в увольнительной. До отлива ещё семь часов, приятель, так что если ты не собираешься сбежать, то самое время опрокинуть по стаканчику грога.

– Тогда я считаю своим долгом угостить вас, ребята. Ведь вам ещё тащить мой багаж – носильщиков в такое время в этой дыре не сыскать. Идёмте же быстрее. Я остановился в портовой гостинице, на первом этаже которой есть хороший трактир для правильных моряков, а не тот мерзкий приют педерастов и наркоманов, который мы с вами покинули.

– А ты, похоже, нормальный мужик. Как звать-то тебя? – вступил в беседу второй сопровождающий.

– Конечно, я в море с 12 лет ребята, да не в офицериках. Начинал с юнги и сам поднялся до старшего помощника капитана. Теперь вот буду штурманом королевского флота.

– Ну и дурак ты, честное слово! Оставался бы в торговом флоте, имел бы барышей не в пример больше. – сказал Джек.

– Сам ты умом не блещешь! Да штурмана флота с радостью возьмут на любого «индийца», а вот даже и капитана финского флота – никогда. – Вступился за Югана Стивен; – Так что правильное решение. Перекантуешься пару лет во флоте, браток, а потом тебе все дороги открыты.

А повезло мне всё же с сопровождающими – подумал Юган – похоже это именно матросы, а не полицейские ищейки. Главное отвлечь их хоть на пять минут, чтобы оставить донесение. Что ж, будем играть своего парня штурмана по полной. Тем более уже показалась гостиница.

– Эй, хозяйка! – крикнул он входя в общий зал постоялого двора. Стоял уже поздний вечер, не перешедший, однако в ночь, потому хозяйка появилась мигом. – Каре ягнёнка с трюфелями, поросёнка с тушёной капустой, солёных груздей, варёной картошки и, для начала, бутылку шнапса, солёной сельди, рижского ржаного хлеба, соли и по три кварты пива мне и моим друзьям. Да, вели запечь гуся пожирнее, и собери четыре фунта копчёного окорока, два фунта провесного балыка, кольцо колбасы, два каравай сегодняшнего хлеба, три десятка свежих яиц и пол фунта кяхтинского чая. Всё это вели отнести ко мне в номер, и позови моего слугу. – Хозяйка мигом умчалась выполнять приказы постояльца и буквально через минуту перед ними оказались примерно литровая бутылка водки, каравай ржаного хлеба, мелко нарезанная селёдка пряного посола и по две больших кружки ароматного местного пива. Компания расположилась за уютным круглым столом в углу общего зала трактира, наполненного в этот поздний час по большей части такими же моряками всех стран, прогуливающими свои потом и кровью заработанные гроши, чтобы с утренним отливом вновь уйти в море.

– Ну вот, ребята. С делами, можно сказать, покончено. Вещи соберёт и доставит на бриг мой слуга, а мы с вами можем прилично поесть и выпить в предвидении неизбежной судовой солонины с тухлой водой. – продолжил барон, отпив из кружки большой глоток пива, а

затем долив её водкой; – очень рекомендую, национальный русский напиток «Оерш». Уверен, что вам понравится. – Началась чисто моряцкая гулянка, в которой, несмотря на привычку к постоянным возлияниям, оба сопровождающих новоиспечённого штурмана моряка уже через два часа потеряли всякое представление о том, где и почему они так весело гуляют. Спустя ещё час, подвыпивший, но твёрдо держащийся на ногах барон оставил своих спутников спать в общем зале, поднялся к себе в номер и сел за письменный стол. Все его вещи, включая закупленную в дорогу провизию, были к этому моменту аккуратно упакованы в два больших сундука, на одном из которых сидел в ожидании приказов вестовой Иван. Запечатав конверт, Юган обернулся к вестовому:

– Иван Матвеич, придётся тебе сегодня ночью ещё поработать. Вот это письмо нужно обязательно незаметно отнести на почту. Лучше всего, чтобы это сделали не я и не ты, а совершенно посторонний, но достаточно надёжный человек. Есть у тебя такой на примете?

– Есть, как не быть, только не такой, а такая – я, как вы и советовали, за эти две недели перезнакомился тут со всеми вокруг. Так вот, фрекен Лотта, местная молочница, прелестная девушка добрейшей души и единственный её «недостаток», это излишняя склонность к нам, матросам. Так ежели я её попрошу письмишко отнести, чтоб время на него самому не терять, а лучше вместе его провести, то и вопросов не возникнет, тем более она как раз мимо почты и ходит. Сей же минут пойду к Лоттхен через две улицы, чтоб ночку последнюю весело провести. Только с багажом да с лимонниками что прикажете делать? Жидковаты матроски оказались у «нагличан».

– А вот то и прикажу. И вещи и матросов надо доставить в порт не позднее пяти по полуночи. Одному тебе не справиться, потому вот тебе марка, найми за пару пфеннигов двух амбалов с тачкой, пусть доставят до пристани. А пока разрешаю навестить твою Лоттхен – у тебя есть ещё полтора часа. Но потом быть тут как штык! Я пока вздремну пару часиков в человеческих условиях, а то на военном бриге негде яблоку упасть, а своей каютой капитан со мной явно делиться не собирается. Разбудишь меня, как вернёшься и погрузишь припасы и господ матросов в тачку.

Утром английский военный бриг «Пенелопа» покидал Абосскую гавань, где провёл эту зиму. На борту не хватало половины положенных по штату матросов, разбежавшихся за долгие зимние месяцы, и потому, вопреки опасениям нашего мичмана, было относительно просторно. За два часа до отплытия к борту причалила шлюпка с двумя ушедшими в увольнительную матросами первого класса и молодым человеком со слугой, в которых капитан Белью моментально распознал опытных моряков. Матросов пришлось поднимать талями, поскольку самостоятельно передвигаться они не могли, в то время как пассажиры ловко перепрыгнули с гички на низкий борт брига.

Отдав честь шканцам, молодой человек представился капитану бароном фон Шанддорфом и сообщил, что имеет для него пакет. Удалившись в каюту и вскрыв увесистый свёрток из просмоленной парусины, накрепко перевязанной шпагатом, капитан обнаружил письмо местного резидента секретной службы с благодарностью за предоставленных в его распоряжение матросов и категоричной просьбой сняться с якоря при первой возможности и безотлагательно доставить этого молодого человека в Портсмут. Особо порадовало уже пожилого и далеко не богатого капитана Белью то, что вместо обычной дробы к письму прилагалось два десятка увесистых золотых гиней. Ведь ему нужно было кормить многочисленную семью, а почти все деньги, включая жалованье за пол года вперёд ушли на то, чтобы получить назначение и подготовить «Пенелопу» к плаванию. Сегодняшний «гонорар» позволял ему не только расплатиться по прибытии в Англию с долгами, в которые неизбежно влезла его жена Сюзи, но и приобрести новый мундир с приличными эполетами. А в новом мундире его будут совсем по другому воспринимать в адмиралтействе, и появится больше шансов остаться в плавсоставе и в будущем году. Ведь в мирное время получить под командование даже крошечный бриг, капитаном

которого вообще говоря должен был стать какой-нибудь лейтенант, было огромным везением и даже спасением для офицера, живущего на половинном жалованье.

Не колеблясь более ни секунды, капитан вызвал своего старшего, а по правде сказать, и единственного помощника лейтенанта Доусона и отдал приказ о немедленном снятии с якоря, чтобы не упустить отлив. На последовавшие было возражения, что половина экипажа осталась в городе, капитан рявкнул с такой силой, что старпом предпочёл молча и очень быстро отправиться выполнять приказание. Буквально через несколько секунд раздался громкий свист боцманской дудки, сопровождаемый звучными командами:

– Свистать всех на верх!

– По местам стоять, с якоря сниматься!

Сонный минуту назад корабль наполнился топотом матросских ног и криками подгонявших своих подопечных унтер-офицеров. «Пенелопа» была типичным 14 пушечным бригам построения военных лет. Построенная в 1813 году из сырой шведской ели, особой прочностью она не отличалась и в лучшие свои годы, сейчас же 250-тонное судёнышко отчаянно текло, а неуверенный в прочности бимсов капитан Белью сменил в прошлом году штатную артиллерию на 10 самых лёгких на флоте четырёхфунтовок. Якоря и канаты перед отплытием на Балтику тоже сменили на облегчённые, и теперь снятие с якоря не заняло у команды много времени. Как только якорь оторвался от грунта, раздалась новая пронзительная трель дудки, и часть команды побежала к мачтам.

Бриг плавно покачивался едва заметным в этом месте течением Аурайоки. Остальные суда оказались по правой раковине, а залитый лучами встающего солнца город остался по корме. Набирающий силу утренний бриз, дувший с правого траверза, подталкивал бриг в корму.

– Всем наверх! – Рявкнул поднявшийся на палубу капитан Белью. Команду повторили, и тотчас ванты почернели от множества матросов, взбегавших по ним зачастую без рук, что показывало профессионализм экипажа.

– По реям! Ставь паруса! Снова раздалась рулада боцманской дудки и марсовые побежали по реям. Сняв чехлы и развязав линии, туго приматывавшие паруса к реям, они взяли тяжёлую просолённую ткань под мышки и застыли в ожидании.

– Выбрать шкоты... Поднять паруса!... Эй, наверху, не мешкать!... Взять паруса на гитовы!... Навались на шкоты, ребята!... Отставить!

Порыв ветра, наполнивший верхние паруса, слегка накренил судно, затем ещё и ещё, всё настойчивее, и за бортом заструилась вода. Капитан с помощником переглянулись. Всё прошло неплохо, лишь на грот марселе вышла задержка, оттого что перебравший матрос оступился и едва не упал с двадцатиметровой высоты в море. Учитывая состояние экипажа, никак не ожидавшего внезапного отплытия, результат был просто отличный.

«Пенелопа» расправила крылья и, всё быстрее набирая ход, направилась к выходу из залива. Дождь за ночь утих, но северный ветер пронизывал всех находившихся на верхней палубе до костей. Укутавшись в плащ, Юган Эбергард фон Шанцдорф внимательно оглядывал с детства знакомую гавань, как будто что-то ища. От цепкого взгляда юноши не укрылась картина нескольких стоящих у причала под погрузкой кораблей, среди которых как лебедь среди уток выделялся стройный силуэт «Наяды». Старина Ольссен явно закончил разгрузку селитры и теперь спешил найти фрахт куда-нибудь на другой конец света, чтобы оказаться подальше от надвигающихся событий. В голове юноши витали невесёлые мысли: восстание, похоже, будет подавлено, но какой ценой? Англия, Франция и Австрия получают благодатный повод кричать о кровавом тиране на российском престоле, а его милая Финляндия захлебнётся в крови и потеряет те особые и немалые преференции, которые получила, войдя в состав Империи. Ведь такой степени свободы, как сейчас, страна не имела никогда! Действует свой независимый сейм, свои законы, шведский признан государственным языком, даже валюта у

страны своя – корона! Да ещё многочисленные налоговые льготы. Нет, такое положение несомненно намного лучше, чем быть крошечной псевдонезависимой страной с голодным нищим населением под фактическим внешним управлением той же России или, что гораздо хуже, Англии. И страшно даже представить, что может случиться, если здесь повторится латиноамериканский, или даже греческий сценарий.

Греки ведут войну за независимость под предводительством Англии вот уже шестой год, некогда цветущая страна превращена в руины, население голодает, а наживается только лорд Кокрейн со своими пиратами, которые, кстати, нападают без разбора даже на «своих» греков под предлогом их, якобы, предательства. В результате восстанию, похоже, вот-вот придёт конец: греки воюют между собой сильнее, чем с турками, которые уже заняли Кандию, Псару, Наварин, оккупировали Морею, а недавно пришла весть о падении Миссолунги, сопровождавшемся буквально реками крови, в которой турецкие власти скоро утопят последние очаги восстания. Нет уж, спасибо, такой судьбы не пожелаешь даже чужой стране. За эту ночь он выбрал свою сторону баррикад. Вот сейчас скроется за горизонтом последний виднеющийся клочок суши, и мы ещё посмотрим кто кого, заморские друзья свободы и независимости Финляндии.

Из записок Югана фон Шандорфа

У меня наконец появилось достаточно времени, потому возобновляю свои записки. Жизнь моя, кажется, сделала очередной крутой поворот. До беседы с Гроу я ещё полагал, что мне удастся ускользнуть из лап Бенкендорфа и присоединиться к соотечественникам в священном деле освобождения родины. Но к утру того памятного дня, когда я оказался на отплывающем в Англию военном бриге, ко мне пришло прозрение: и меня, и всех нас, глупых и наивных патриотов просто напросто использовали. Каждому предлагалась очень похожая на правду сказочка, в которую он верил и ради которой был готов пойти на немыслимые в нормальной жизни преступления. Я знал многих из тех, кто вышел 14 декабря на Сенатскую площадь Петербурга. Это, по большей части, тоже были патриоты, только уже своей родины, страдающей от глупого монарха. Их обманули, также как обманули и меня! Наивным юношам внушили, что республика спасёт Россию, что нет зла большего, чем самодержавие! И они поверили, ведь зло самодержавия было очевидным, экономика страны разваливалась на их глазах и при прямом попустительстве «царя батюшки». Но не было у этих прекраснодушных юношей достаточно опыта и цинизма, чтобы понять, что они лишь часть страшной провокации, а жертвой должно стать то самое Отечество, во благо которого они собрались разрушить главный его оплот. Возможно, мысли мои сумбурны, но чувства переполняют меня и я с трудом сдерживаюсь, чтобы не проявить их среди этих чванливых самодовольных англичан, готовых весь мир погрузить в кровавый хаос для достижения собственного могущества и барыша.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.